

Дебют**Нурсултан
Сарбай**

Детский конкурс «Давай нарисуем сказку!», организованный Научным медицинским обществом в 2017 году и первоначально носивший статус республиканского, расширил свои границы и стал международным. За три года проведения конкурса, главной целью которого является воспитание толерантности и эмпатии у здоровых детей к детям с различными заболеваниями и проблемами, ограничивающими их социальную жизнь и активность, в нем приняло участие более 1500 детей из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и России.

Победителем литературного конкурса и обладателем Гран-при в 2019 году стал 14-летний Нурсултан Сарбай из города Кокшетау с рассказом «Пряник», который мы решили предложить вниманию наших читателей.

ПРЯНИК

Однажды утром, проснувшись, я понял, что я особенный.

Знаешь, крайне интересно наблюдать за тем, как из-за одного человека или события вся твоя жизнь летит в тартарары. Обычно это называется любовью.

Осознание своей особенности мне пришло тогда, когда мой кот попал под машину.

Я помню, как однажды плакал. Люди подходили ко мне и спрашивали, всё ли в порядке. Что на этот вопрос должен ответить плачущий человек? Заулыбаться и сказать, что всё прекрасно?

Всё просто отлично.

Я помню, как когда я грустил, люди спрашивали у меня, в чём дело. А я всегда отвечал, что я просто устал. Что я просто не выспался. Что у меня просто болит голова. И дальше в том же духе.

Посреди ночи мне звонит какой-то ребёнок и спрашивает, как ему жить дальше. Познакомься, это Кайл, ему двенадцать и у него нет ног.

– Знаешь, вчера мама плакала. Говорит, протезы нам не по карману. Я вот думаю, а может, покончить с этим? Ну, типа, без меня ей будет намного легче. В денежном плане. Не, я, конечно, понимаю, что первое время она будет много грустить из-за меня и всё такое, но потом она же успокоится, ведь так?

Моя работа – отговаривать людей от таких мыслей. Я работаю в отделе горячей линии психологической помощи, мы работаем круглосуточно. В любой момент нам может позвонить какая-нибудь девушка с разбитым сердцем или парень, уволенный со своей четвёртой работы. Они сжимают лезвие, может быть верёвку, а может, и вовсе пистолет. Я же должен убедить их в том, что без них остальным будет плохо.

– Она это тебе лично сказала? – спрашиваю я у мальчика.

– Не, мама тогда по телефону болтала с подругой. А я подслушал их разговор. Ну, я понимаю, что шпионить нехорошо и все дела, это случайно вышло, честно. Я слышу тихий плач на заднем плане. А голос Кайла такой спокойный... Обычно, когда нам звонят, голоса людей звучат как-то более эмоционально. Они плачут, кричат, смиряются со своей бесполезностью и дальше в том же духе. Я слышу это, я наблюдаю за этим, и я умиляюсь.

Сейчас половина третьего ночи, а я говорю с мальчиком-инвалидом.

Вполне возможно, что ненормальный в этой истории именно я. Честно сказать, в этой работе меня больше всего интересовало не спасение чужих жизней, а возможность почувствовать себя нужным хоть кому-то.

Ты поливаешь одежду, пропитанную жиром, средством для мытья посуды. Потом ты втираешь это мыло в ткань. После этого достаточно смыть моющее средство уксусом, и вуаля! Жира на одежде больше нет!

Чтобы оттереть краску с обоев, ты должен смешать бензин с зубным порошком. Затем протри тем, что получилось, пятно. Когда высохнет, просто сними остатки губкой. Ты также можешь использовать смесь соды и воды. Это тоже работает.

Всему этому нас научили случаи. Однажды мне позвонила женщина и начала орать: как оттереть гуашь с обоев? В учебнике по психологии такого не было, а я должен был ей как-то помочь. Теперь я знаю, что говорить в таких случаях.

Тот мальчик, Кайл, с тех пор звонил мне каждый день. Я спрашиваю: а где твои друзья? Неужели тебе не с кем поговорить? А он мне говорит: а ты сам как думаешь? М-да, я бы мог и сам догадаться.

Я спрашиваю о его увлечениях.

Я спрашиваю о его кошке.

Я спрашиваю о его родителях.

Когда ему было семь, его родители развелись. Да, это из-за ног. Отец спился и сам пришёл к этому. Мать же просто выгнала мужчину и сказала, чтобы тот больше не возвращался.

Кайл говорит мне: моя мама посещает группу поддержки родителей неизлечимо больных детей каждые понедельник, среду и четверг. Собrania проходят в здании оздоровительного центра, у них там есть специальный блок с психологами.

Кайл просит меня придти на одно из собраний. Он просит меня помочь его маме.

Итак, четверг.

Я должен прийти.

Я приду.

Я пришёл.

Знаешь, здесь люди напоминают скорее античные статуи, а не бритых мар-тышек, какими я привык их видеть. Они не кричат на всех за то, что их ребёнок болен. Они сейчас сидят и смотрят на пол. Вот Галл Людовизи со своей женой. А вот и сама Юнона Людовизи. А вот Молящийся Мальчик. Точно воплотились из скульптур.

Они так похожи на всех тех богов и царей не только из-за своей печали. Посмотри на них. Посмотри на меня. А теперь скажи, что ты видишь? Они так же обнажены.

В повседневной жизни они носят самые дорогие часы «Casio». Пиджаки «Vigioni». Обувь «Дерби». У них каменные лица. Возможно, некоторые из них притворяются счастливыми. Кто-то обязательно на протяжении всего рабочего дня поддерживает всех и раздаёт советы каждому, кто попросит. А сейчас все

они – те, кто ходил счастливым, с каменным лицом, раздавал советы, все они сидят и плачут.

Я плакал в последний раз, когда мне было двенадцать. Вот в чём моя особенность. Когда какой-то кто-то сбил моего кота. Я проснулся и понял, что всё идёт по плану. Осталось понять – а по какому?

Сейчас они плачут передо мной. Они думают, что мой ребёнок тоже болен. Они верят, что моего ребёнка тоже не спасти.

Правда в том, что у меня нет ребёнка.

Лжец.

Балабол.

Пустозвон с прекрасным именем Глэн.

Кстати, об именах.

Одно из правил нашей организации – не называть своих настоящих имён. Наверное, это нужно, чтобы в случае опасности нас не нашли, не знаю. Когда мне звонят люди, я говорю, что я Глэн из горячей линии психологической поддержки. В следующий раз я говорю, что я Клайтон. Потом Корнелиус. Руперт. Стивен. И так далее.

У нас много разных Брэтов и Ричардов, Хлой и Самант. Мы – крупнейшая в мире компания, использующая фальшивые имена, и нас никто не сможет остановить.

На собрании родителей я представился Глэном.

Моя задача – сидеть с грустным лицом, говорить «Спасибо, Лора» или «Спасибо, Джон», когда один из них рассказывает свою грустную историю. И я должен молчать до тех пор, пока меня не попросят. Это не так уж и трудно. На работе я всегда молчу рядом с коллегами. Говорю я только с клиентами, больше ни с кем.

Вот она – Джесс. Мать Кайла. Она сидит одна, в то время как остальные сидят со своими супругами. Остальные, кроме меня и неё.

Её просят подняться с места, встать перед большим столом и рассказать свою историю. Так делают все. Даже я должен был когда-нибудь это сделать.

Как вы знаете, мой муж ушёл от нас после той аварии, говорит Джесс. Кайл был парализован. Я осталась без мужа и здорового сына, продолжает говорить она.

Я как пингвин – приспосабливаюсь к любым условиям.

Представь, что я – маленький реальный клочок жизни посреди всех этих уже мёртвых воинов и их жён.

Кайл звонит мне и спрашивает, как прошло собрание. Он спрашивает, плакала ли его мама.

Потом он спрашивает меня, в чём смысл жизни. Он говорит: знаешь, а вот если я сейчас умру, то этого никто не заметит, кроме мамы. Да и в любом случае мне немного осталось. Так зачем мучиться?

Буддизм твердит, что жизнь – это страдание и избавление от страдания. В писаниях Палийского канона он сравнивает себя с врачом, который пытается избавить своего пациента от мучительной болезни – болезни обусловленного существования, которой заражены все мы. Мы должны, обязаны испытывать боль, но мы должны и бороться с ней. Таков закон.

Мне часто звонили подростки и говорили об этом.

История близится к своему логическому завершению, так что наша авиакомпания просит всех пассажиров пристегнуть ремни безопасности, закрыть лицо руками и паниковать.

Ты когда-нибудь задумывался над тем, зачем нужны пальцы на ногах?

Я спрашиваю у Кайла, что он хотел бы сделать или получить прежде, чем умрёт. А он отвечает, что у него никогда не было друзей.

Было проведено ещё одно собрание, и ты не поверишь, что я собираюсь написать дальше.

За мной гонится толпа разъярённых, как птицы, лошадей, а я грожу им дверной ручкой застрелить пачку оливье.

На следующий день мой босс спрашивает, куда я так рано уйду с работы. Я останавливаюсь в дверном проёме, чтобы сказать: знаете, это дело личного характера, и Вас не должны волновать проблемы, окружающие мою персону. И я не боюсь опасности лишения места работы, ибо с дипломом психолога могу найти более высокооплачиваемую работу. Я не сделал этого раньше, так как меня больше интересовала возможность общения с людьми по телефону, нежели напрямую.

Вот как это произошло.

На собрание, вместе с родителями, пришли и их дети. Лысые, в инвалидных колясках, бледные, как молоко. И все они здесь. И все они похожи друг на друга, но не похожи на своих родителей. Кучка скелетов на батарееках, обтянутых кожей.

Теперь это – друзья Кайла.

Теперь у Кайла есть друзья. Теперь у них у всех есть друзья.

Фонд «Чудо» выполняет последние желания неизлечимо больных представителей человеческого рода в возрасте от одного до восемнадцати лет.

Фонд «Новая надежда» собирает в свои высококвалифицированные больницы смертельно больных детей со всего мира и там их лечит.

Я – тоже маленький фонд, который выполнил желание одного мальчика по имени Кайл.

Теперь плакали все. Даже я. От радости.

Не зря ведь слова «Слёзы», «Счастье» и «Смерть» начинаются с одной буквы.

Когда Кайла не стало, мысли о самоубийстве перестали ужасать. Наоборот, они стали так часто приходить ко мне в гости, что я даже привык к ним. Единственное, что меня сдерживает – это обещание, которое я ему дал.

– Я могу тебя кое о чём попросить?

– Что угодно.

– Пообещай, что ты придёшь на мои похороны, – я молчу. – И что ты не будешь грустить. Сам же понимаешь, мне так будет лучше. Ты радуйся. И пускай мама тоже радуется, – я молчу. – И пообещай, что ты будешь счастлив. Я тебе очень благодарен.

Я всё ещё молчу. Я никогда не знал, что ответить в такие моменты.

А знаешь что? У меня тоже не было друзей. Никогда.

Я похоронил своего кота, когда мне было двенадцать. С тех пор я не плакал и не радовался. Я похоронил своего друга, когда мне было уже не знаю сколько. С тех пор я только радуюсь и веселюсь.

И плачу.

Он показывает пальцем в небо и говорит:

– А небо сегодня красивое, да?

– Это точно.

Кайл нагибается за пакетом с пряниками, достаёт один и протягивает мне.

– Будешь?

